

Митрополит
Антоний
Сурожский

Хаос. Закон. Свобода

Беседы о смыслах

митрополит Антоний Сурожский

Хаос. Закон. Свобода.

Беседы о смысле

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67389833

Хаос. Закон. Свобода. Беседы о смысле. / Антоний Сурожский,

митрополит: Никея; Москва; 2019

ISBN 978-5-91761-982-8

Аннотация

В книге собраны беседы митрополита Антония Сурожского, никогда не издававшиеся на русском языке. В отличие от многих других эти беседы обращены преимущественно к светской аудитории – от учеников колледжа до студентов Кембриджа, от интервью на радио BBC до разговора с журналистом Profile – и посвящены важным мировоззренческим темам: хаос и порядок, красота и сложность, закон и свобода, дух и психика. Митрополит Антоний смог найти для своих слушателей необычные образы – о красоте он говорит через математику, о богословии – через парадоксы. Он ставит важнейшие вопросы бытия и дает на них глубокие, умные, честные и вдохновляющие ответы.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	10
Хаос, гармония и мир порядка[1]	10
Закон временный и вечный[6]	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Митрополит
Антоний Сурожский
Хаос. Закон. Свобода.
Беседы о смыслах**

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-903-0090*

Текст подготовлен совместно с Фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

НИКЕЯ

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation, 2019
© ООО ТД «Никея», 2019

Предисловие

Дар удивления

Евгений Водолазкин

В этой книге помещены беседы владыки Антония Сурожского, переведенные с английского и еще не публиковавшиеся на русском языке. Беседы обращены к светской аудитории и относятся в основном к 1970-1980-м годам, времени, когда проповеднический дар этого человека достиг расцвета и мощи. Сказанное не подразумевает один лишь богатый опыт произнесения коротких текстов – владение голосом, мимикой, жестами (хотя почему бы и не это тоже?). Речь идет о внутреннем горении пастыря, без которого проповедь невозможна.

Владыка Антоний принадлежит к числу тех, кого не нужно представлять: о нем знают если не все, то очень многие. Его выступления и статьи не нуждаются в пояснении или комментировании: доходя до предельных глубин, они предельно просто изложены. Строго говоря, для комментария нужно иметь еще и право: вряд ли многие современники владыки признают его за собой. Слишком уж разные у нас с ним калибры. Лучшее, что, наверное, можно сделать, – это вспоминать о нем. Свидетельствовать по праву любви и благо-

дарности.

Скажу о вещах для меня сугубо личных, но, мне кажется, хорошо отражающих исходившую от владыки Антония особую силу. Наша первая встреча связана с тем, что я с трепетом называю чудом. Прилетев в Лондон на какую-то конференцию, я пошел на воскресную службу в Успенский кафедральный собор. Попеременно звучали церковнославянский и английский, а сам собор прежде был англиканской церковью, построенной (сколько же тут всего соединилось!) в неороманском стиле. Православие здесь напоминало о вселенском своем характере и не желало иметь ничего общего с этнографическим музеем. Если бы идея музея реализовалась в этом отдельно взятом храме, то музей был бы английским: митрополит Антоний привел к православию многие сотни англичан. Я думал об этом, глядя на необычные – готические какие-то – лица прихожан. И это при том, что англичан не очень-то куда-то приведешь: редко они позволяют себя вести – такой народ.

Владыка попросил прощения, что во время богослужения сидит. Сказал: «Просто не могу стоять». После службы выслушал всех, кто хотел к нему обратиться. Когда подошла моя очередь, я рассказал ему о своей беде: моя дочь тогда серьезно болела. Владыка принес бумажную иконку Богородицы и велел отвезти ей. В Германии, где мы тогда жили, была назначена правильная терапия, и дело пошло на поправку.

Скептик вежливо спросит: нельзя ли считать, что резуль-

тат был связан с качеством немецкой медицины? Конечно, можно. Сотворение чуда предполагает разнообразные пути и инструменты. Не сомневаюсь, однако, что в отсутствие немецкой медицины владыка использовал бы какие-нибудь другие средства.

Спустя несколько лет мы, будучи в Лондоне, всей семьей пришли в Успенский храм поблагодарить митрополита Антония. Он взял меня за запястье – неожиданно энергично, почти жестко – и спросил: за что? Я рассказал. Он нас благословил тогда, и это стало для нас его прощальным благословением. Я не так чтобы очень эмоциональный человек (неофитская экзальтированность прошла много лет назад), но у меня возникло стойкое чувство, что я разговаривал со святым.

Впоследствии я ощущал его поддержку в моих литературных трудах. Работая над романом «Лавр», держал в уме одну его проповедь, в которой шла речь о бывшем белом офицере, убившем по трагической случайности во время боя свою жену. Ему отпустили этот грех, но легче не становилось. И тогда владыка Антоний сказал этому человеку: «На исповеди вы просили прощения у Бога, но Бога вы не убивали. А пробовали ли вы просить прощения у своей жены?» Через некоторое время офицер пришел к владыке и сказал: «Я попросил у нее прощения. И мне стало легче».

В романе «Лавр» герой ведет бесконечный диалог с возлюбленной, погибшей по его вине. В «Авиаторе» убийца

просит прощения у убитого, а в романе «Брисбен» герои продолжают беседовать с умершей приемной дочерью. Работая над этими текстами, я постоянно вспоминал и эту проповедь, и беседы покойного митрополита о болезни и смерти.

Он призывал не бояться смерти и не прятать ее в дальний угол нашего сознания. Рассматривать смерть как часть жизни. Со смертью оканчивается время, но не более того. Время (прошу прощения за невольный каламбур) – временно, а человек рождается для вечности. Сила бесед владыки была в том, что он не толковал мир с указкой в руке, не чувствовал себя спикером, что ли, горнего мира. Он открывал бытие, удивлялся ему вместе с теми, кто его слушал. Это ведь чрезвычайно важно – с кем удивляться: с ребенком или со старцем. Удивление с владыкой Антонием было, что называется, высшего качества: старческую мудрость он соединял в себе со свежестью детского взгляда. Оттого повседневность казалась ему удивительной, а невероятное – закономерным. Попроси прощения у убитой – такое ведь может сказать только тот, кто живет по законам чуда.

Поначалу обычное обращение к епископу – «владыка» – казалось мне несоответствующим пастырю Антонию. Виделось тяжелым, как латы. А потом я как-то привык. В конце концов, тот, кто воюет со злом, должен быть хорошо экипирован. Кроме того, «владыка» перекликался в моем сознании с «властителем» (умов), каковым митрополит Антоний, конечно же, являлся. Умов и сердец.

Уходя, человек продолжается не только в вечности, но и во времени: живым остаются его дела, высказывания, книги. Становясь сущностью метафизической, ушедший продолжает свое присутствие на земле. Такая как бы репетиция бессмертия. Владыка Антоний уже не здесь, но мы продолжаем читать его проповеди – и плакать над ними, и улыбаться им. И удивляться, конечно же.

Часть I

От хаоса к красоте

Хаос, гармония и мир порядка¹

Мы все время пытаемся привести в порядок мир, в котором живем. Век за веком сначала открываем для себя и анализируем составляющие этого мира, затем подчиняем их себе, а затем придаем им форму в соответствии со своими человеческими представлениями. Но даже беглое изучение истории показывает, что результаты этой деятельности, судя по всему, не способствуют установлению в мире полной гармонии. Многочисленные войны, глубокая человеческая тоска и трагичность человеческой судьбы, которые мы можем наблюдать, отнюдь не свидетельствуют в пользу нашей способности упорядочить мир.

Как знать – может быть, размышление о природе и значении хаоса поможет нам создать мир, который будет достоин себя, человека, Бога: создать град человеческий, который в конечном итоге может совпасть во времени и пространстве

¹ Беседа состоялась 18 февраля 1976 года, предположительно, в английском городке Барнард-Кастл (Barnard Castle). Перевод с англ. А. Дик под ред. Е. Майданович. Здесь и далее названия бесед даны редактором.

с градом Божиим. Думаю, в качестве девиза или эпиграфа в начале моей лекции можно привести слова Ницше, который сказал, что для того, чтобы родить звезду, нужно носить в себе хаос. Я бы хотел рассмотреть тему хаоса с разных сторон, поскольку размышлял над этим вопросом недостаточно, чтобы представить вам связную картину ощущений, которые рождает во мне эта тема.

Во-первых, существует два вида хаоса. Хаос может быть следствием распада чего-то гармоничного, красивого, упорядоченного. В таком случае хаос трагичен. Но есть и другой хаос, который предшествует порядку, гармонии и красоте. Он несет в себе множество возможностей, он живет ожиданием того, что родится из него, что придаст ему смысл. В первом случае хаос подобен разрушенному городу, мертвой цивилизации, блестящему уму на закате своей славы, изжившим себя отношениям – это конец, и он уже не может дать начало ничему новому. Во втором случае хаос полон предвкушения, надежды, из него может родиться все что угодно, хотя это не означает, что все заложенные в нем возможности обязательно будут реализованы. В качестве примера того, что я называю творческим хаосом, таким, который способен родить звезду, можно взять начало Книги Бытия.

Творческое слово Божие из ничего породило хаос, а затем, следуя Божественным указаниям, этот хаос стал раскрываться от славы к славе. Возможно, вы замечали, что каждый этап этого процесса сопровождался характеристикой «хорошо».

Кроме того, из написанного, судя по всему, следует, что полнота предыдущего дня, по сути, достигается вечером следующего дня. *И был вечер, и было утро* (Быт. 1: 5). Потому что это развитие предполагает не увеличение яркости физического света, а раскрытие возможностей, проливающее нематериальный свет на то, что есть тьма, открывающее, проявляющее то, что было сокрыто. В этом смысле весь процесс сотворения мира и всю последующую историю человечества можно представить как постепенное проявление, поступательное раскрытие скрытых возможностей. Это хаос, из которого что-то может родиться.

Наше отношение к хаосу нельзя назвать простым, с хаосом можно взаимодействовать по-разному. В нем есть своя притягательность, как есть притягательность в буре и во всех великих и трагических событиях жизни. Притягательными могут быть смерть, страдания, война, землетрясение, гроза. Почему же они способны так манить нас? Не в том ли причина, что на мгновение мы сталкиваемся с чем-то великим, огромным – с чем-то, что заставляет нас перерасти себя и встать лицом к лицу с такими вещами, которые превосходят нашу мелкую обыденность?

Не знаю, помните ли вы два коротких рассказа Эдгара По, в которых он пытается выразить свое понимание красоты и искусства². Он приводит два описания, чтобы показать, каким должно быть место, находящееся в полной гармонии с

² «Коттедж Лэндора» и «Поместье Арнгейм».

законами красоты и вкусами человека. Основная мысль, которую стремится донести По в этих рассказах: красивым может считаться только то, что сопоставимо с человеком по размеру. Чересчур маленькое пространство вызывает ощущение клаустрофобии: оно слишком мало, я не могу жить в этих узких, давящих рамках. А чересчур большое, напротив, слишком велико, слишком пугающе: я не могу с этим жить. Таково в некотором смысле и отношение человека, который отказался перерасти свое нынешнее состояние, который боится быть человеком, который не осознал, что, с одной стороны, человек подобен пылинке – крошечной, слабой, хрупкой, а с другой, если он обратится внутрь себя, то обнаружит, что целый мир – такой огромный, такой опасный, а иногда и такой трагичный – слишком мал для глубины и ширины его внутреннего «я». С чем бы он ни столкнулся в этом внешнем мире, сам он больше этого. Он может попытаться заполнить свою внутреннюю пустоту красотой, но увидев всю красоту, он все еще будет голоден; знанием – но и обретя все доступное ему знание, он останется голодным; любовью – но и познав всю человеческую любовь, он по-прежнему будет испытывать голод. Как выразился Майкл Рамзей еще в бытность архиепископом Кентерберийским, в человеке есть пустота в меру Бога – такая большая, такая глубокая, что заполнить ее может только Божественное, ничто другое. Пожалуй, это созвучно словам немецкого мистика Ангелуса Силезиуса: «Я так же велик, как Бог, Он так же

мал, как я»³. Так же велик, как Бог, потому что ничто меньшее Бога не может нас наполнить, Он так же мал, как я, потому что таинственным образом Он может вместиться в такую бесконечно малую частицу созданной Им вселенной.

* * *

Мир, в котором мы живем, хаос, который пребывает здесь, разверзаясь у наших ног, окружает нас, окутывает со всех сторон и даже проникает внутрь. Он притягивает и манит нас – и одновременно вызывает страх. Хочу прочитать вам одно стихотворение Тютчева:

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь, и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!

³ Ангелус Силезиус. Херувимский Странник. Книга изречений в стихах, 1674.1,10. (Ich bin wie Gott, und Gott wie ich; Ich bin so grofц als Gott, er ist als ich so klein; Er kann nicht uber mich, ich unter ihm nicht sein.)

Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди:
Под ними хаос шевелится!..⁴

Это не просто дикое русское восприятие жизни. Каждый порой может ощутить эту глубину, внутренний хаос, который стремится выразить себя, вопль всего того, что могло быть, должно было быть, но не было и, может быть, уже никогда не будет, – скорбный вопль, погребальная песнь о несбывшемся, и ликующий вопль всех тех сил, которые разбудило волнение хаоса.

Каждый из нас чувствует притягательность хаоса, а временами и целые народы и целые эпохи ощущают движение хаоса, который может сломать, взорвать, разрушить что-то, чтобы дать жизнь – другую жизнь. И в то же время во всех нас живет страх этого хаоса. Не так просто заглянуть внутрь себя и увидеть, что под пленкой безопасности, в хрупких рамках видимого порядка существует весь хаос, полный возможностей, которые не желают быть обузданными, плененными, организованными. То, что происходит с душой человека, происходит и с народами, классами, эпохами.

Как же человек пытается справиться с хаосом? Есть це-

⁴ Ф.И. Тютчев. «О чем ты воешь, ветр ночной?..»

льный ряд способов, которые можно свести к трем. Можно вернуться в этот хаос, погрузиться в него и участвовать в хаотичном бытии в надежде на то, что вместе с хаосом мы будем развиваться и двигаться к новой гармонии. Можно подойти к хаосу с верой, готовностью стоять перед ним, не вливаясь в него, не теряя своего смысла, ценности, понимания, меры реальности, к которой мы уже пришли. А можно относиться к хаосу так, как к нему относится большинство на всех уровнях – и личном, и коллективном, – пытаюсь организовать хаос таким образом, чтобы он перестал быть слишком пугающим, пытаюсь обуздать и укротить его.

Я хотел бы привести несколько примеров применения такого способа справляться с хаосом, поскольку в этом и состоит основная проблема жизни. Если мы примем этот способ – мы обречены. Примеры, которые я хочу привести, взяты из Библии, потому что с ней я знаком лучше, хотя и недостаточно.

Как я уже упоминал, самый простой в ситуации хаоса образ действий – пересилить хаос и привести его в порядок. При этом такой порядок всегда является порождением человеческого мышления, его цель – приспособить эту огромность к малым меркам человеческого понимания или человеческого мужества. Это относится ко всем сферам жизни.

Одним из средств борьбы с хаосом – в семье, в обществе, в природе – является подчинение, попытка обрести способность контролировать, поработать, принуждать. А это уже

преступление против самого себя, против людей или ситуаций.

Когда мы изучаем жития святых или Священное Писание – Библию, мы видим, что после первого дня творения, когда Бог создает мир, Он не подчиняет его Себе. Он отказывается прибегать к подчинению, Он дает нам свободу возлюбить Его или отвергнуть, строить мир вместе с Ним или настраивать мир против Него, творить и разрушать – мы сами вольны выбирать. И мы воображаем, будто наш выбор может быть независимым, будто у нас есть право выбирать и действовать в соответствии со своим собственным разумением и желанием. Под «свободой» люди понимают именно это: быть свободным – значит беспрепятственно делать все, что заблагорассудится. Это не так, это не свобода. [...] Свобода весьма далека от того бунтарского смысла, который вкладывают в это слово участники социально-политической борьбы. Свобода – это отношения любви, воспитание в нас хозяев собственной жизни, то есть реализация нашей истинной сущности. И то, как Бог относится к нам, – это не подчинение, это нечто совершенно иное, это дар Божий, зовущий пуститься в путь, полный опасностей и риска, но также исполненный смысла и вдохновения, – путь становления.

В Писании встречается понятие, которое мы смешиваем с понятием подчинения, – авторитет. Подчинение основано на способности к принуждению, авторитет же определяется способностью к убеждению. Христос, сопровождая шедших

в Эммаус, общался с ними, а они позже восклицали: *Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге?* (Лк. 24: 32). В других местах слова Христа определяются как дух и жизнь (см. Ин. 6: 63), эти слова были убедительны, весомы, они пробуждали в душе и в уме слышащих все, что было способно к жизни, гармонии, величию. Эти слова пробуждали – но не понуждали – человека возрастая в полноту своей меры. Они обладали внутренней силой убеждения, но не подчиняли, они не могли никого заставить уверовать или принять тот или иной образ жизни, но могли перенести человека с земли на небеса, погрузить его в самые глубины человеческой души, вознести на самую высоту человеческого достоинства.

Свои отношения с нами перед лицом хаоса, с которым мы сталкиваемся просто потому, что находимся в процессе становления, Бог выстраивает с позиции авторитета. Он призывает, Он открывает нам перспективу, Он предлагает нам реализовать имеющиеся у нас возможности – ни больше и ни меньше.

Как бы сильно мы ни боялись своего внутреннего хаоса, мы все же пытаемся перевести связанные с ним проблемы на уровень интеллекта, поскольку интеллект оперирует категориями, он организован, он придает форму – свою собственную форму – всему, что попадает к нему на пути. Интеллект – это хранилище. Все знание, все понимание можно собрать и поместить в надежное место как свою собственность. С дру-

гой стороны, в любой мистической и аскетической литературе всех стран и, по-моему, всех религий то, что называется «сердцем человека», напротив, является воплощением ненадежности – не из-за того, что чувства могут меняться, но из-за того, что на этой глубине ничто нельзя определенно считать своей собственностью, поскольку в самом существе человека все находится в процессе становления. Там царит хаос, но не беспорядочный и бессмысленный хаос, а тот, в центре которого находится слово Божие, способное дать ему направление, значение, форму при условии, что человек откликнется на это слово, при условии, что мы своей волей выберем Логос, выберем значение, смысл сущего и позволим ему действовать в нас как организующей силе – не подчинением или укрощением, но призывом к жизни – и к жизни с избытком. Отрицание человеческого отношения, отрицание веры и надежды, не говоря уже о любви к себе и к другим, – будь то на политическом, общественном или на личном уровне, будь то со стороны политической партии или церкви, любой идеологической группы, – программирует человека или общество, и это есть отрицание веры.

В одном из рассказов Бертольта Брехта⁵ у господина Койнера спрашивают: «Как вы поступаете, если кого-нибудь полюбите?» – «Я создаю эскиз этого человека». – «А потом?» – «Я стараюсь, чтобы он был похож на него». – «Кто на кого: человек на эскиз или эскиз на человека?» – «Ну разумеется,

⁵ Б. Брехт. Истории господина Койнера.

человек на эскиз!»

Таково отношение любой тоталитарной структуры, любой структуры, претендующей на понимание событий или людей, индивидуумов и целых обществ и на способность формировать их в соответствии с правильным представлением. Это отрицание веры, поскольку вера – это такой настрой ума, при котором человек допускает мысль, что он не знает всей глубины и всех возможностей, сокрытых в человеке или в группе людей. Программировать можно только путем сопоставления всех известных фактов, построения на их основе модели и формулирования выводов. Вера начинается сразу после того, как человек признает тот факт, что вся построенная модель, какой бы убедительной, какой бы верной и какой бы стройной она ни была, не является верной во всем. Всякий раз, когда – в политике, в обществе, в образовании, в церкви или в любой другой группе или направлении – мы полагаем, будто можем взять человека и сделать из него то, к чему он в конечном счете призван, мы уходим из области веры и совершенно точно уходим из области надежды. И человек, который становится объектом таких попыток, как правило, однозначно оказывается вне области надежды.

Притягательность хаоса заставляет искать другие способы с ним сжиться – например, попытки укротить его путем сокращения масштабов, размеров, трагичности до человеческих мерок. Можно попытаться сделать это, отыскивая элементы хаоса в вещах, привычных нам по форме, цвету, зву-

ку, осмыслению, а затем, возвращаясь к тому моменту, когда они были еще бесформенными, привыкать к этой бесформенности, чтобы больше не бояться стоящей за ними огромной реальности. Я очень мало знаю об искусстве и не рискну вдаваться в эту область, но помню, как один довольно известный художник в моем присутствии говорил о духовной значимости абстрактной живописи, отмечая, что, по его мнению, стремление отойти от конкретных форм, цветов и смыслов, вернуться к недифференцированному, непосредственному восприятию – это попытка обратиться к хаотичности. Эти слова можно воспринять как критику или, наоборот, как правомерную попытку нащупать утраченную перспективу, но разве в них нет доли правды? Не попытка ли это освоиться в ситуации, которая иначе может вызывать страх?

Поговорим теперь об отношении Бога, об отношении верующего; при этом под «верующим» я понимаю не конкретно христианина или человека, исповедующего какую-нибудь другую религию, а того, кто убежден, что за видимым миром, бросающим ему вызов, существует невидимый мир – таинственный и непознанный. Причем это непознанное объективно существует по своим законам, то есть его не следует сначала сформировать, а затем уже познавать. Мир верующих и мир хаоса совпадают. Я имею в виду, что человек может принять хаос и встать лицом к лицу с ним только в том случае, если он, как Бог, имеет мужество дать этому хаосу право на существование. Существование не застыв-

шее в определенности, а потенциально возможное, которому необходимо помочь развиваться, обрести полную и истинную сущность – вместо того, чтобы подавлять, разрушать и искажать. Чтобы посмотреть в лицо своему внутреннему хаосу, требуется большое мужество – духовное, нравственное мужество. Начинается оно с принятия себя такими, какие мы есть, – с принятия прекрасного и уродливого, уже искаженного или кажущегося искаженным, поскольку оно еще не достигло полноты своей зрелости и красоты. Это значит относиться к себе так, как скульптор может относиться к материалу, из которого он собирается ваять, извлекать красоту. Это значит изучать и познавать этот материал, но не навязывать ему законы бытия, которые на него не распространяются. Нельзя из гранитной глыбы сделать небольшое распятие из слоновой кости. Если мы не научимся этому, мы никогда не станем сами собой. Разумеется, в духовной сфере мы не просто рождаемся гранитом или глиной, чтобы и умереть гранитом или глиной. Наступают моменты, когда в нашей жизни происходит преобразование, и то, что некогда было глиной, в конце концов может оказаться слоновой костью или чистым золотом, но пока мы являемся чем-либо, мы должны принимать свою сущность со всей глубиной и извлекать из нее весь смысл, всю гармонию и красоту, которые могут быть в ней сокрыты, *а потом* позволять ей меняться.

Так же было и в первые дни сотворения мира. Хаос начал открывать свою красоту и добро, и стал свет, и стал днев-

ной свет, а затем, когда был сделан следующий шаг, когда появился новый потенциал, когда открылась новая глубина и новый смысл, утро стало вечером следующего дня – от славы к славе, так что слава вчерашнего дня – это всего лишь тьма дня следующего.

Пожалуй, на этом я остановлюсь. Я обещал, что поделюсь с вами разрозненными мыслями, – что ж, получилось вполне разрозненно. Но мне хотелось бы, чтобы вы собрали эти элементы, эти вопросы, эти обрывки и попытались найти смысл своими собственными рассуждениями на примере своей собственной жизни. И помните, что между хаосом и гармонией, которые идут рука об руку и принадлежат к миру веры, надежды, любви и становления, пролегает опасный, убийственный мир искусственного порядка, подчинения – мир, в котором замораживают океан, чтобы он больше не представлял никакой опасности.

Закон временный и вечный⁶

Несколько волнительно говорить на тему, которую мне предложили, потому что я не юрист и не богослов. Я получил научное, медицинское образование, и уровень моего знания о праве далек от того, чего вы, вероятно, ожидаете ввиду заявленной темы. И все же во всех областях жизни мы неизбежно сталкиваемся с проблемой закона и права.

В заявленной теме закон охарактеризован как временный и вечный, и я хотел бы сразу сопоставить эти два понятия при помощи такой параллели: закон – заповеди Ветхого Завета и закон – заповеди Нового Завета. Мне кажется, что между ними, кроме самих используемых слов, очень мало общего.

Ветхозаветные заповеди могли сделать того, кто добросовестно их исполняет, праведным, но не могли вдохнуть в человека Божественную жизнь, не могли приобщить его вечной жизни. В этом отношении Ветхий Завет предлагает нам закон жизни, закон, данный Богом. Через такой закон человек мог достичь праведности, однако в конце пути все равно сходил в шеол – в ад, как его понимали древние евреи.

⁶ Лекция, прочитанная 8 февраля 1971 года в Университете Вестфилда (Westfield College) в рамках регулярных, установленных в 1915 году Констанцией Майnard (Constance Maynard) лекций по богословию. Перевод с англ. К. Мацана под ред. Е. Майданович.

Этот ад, шеол, не был, конечно, живописным адом Данте или адом христианского фольклора. Это не было место вечных мук, это было нечто более простое и гораздо более трагичное: это было место, где нет Бога. Это место последней, окончательной и безнадежной богооставленности. Хотя внутри этой богооставленности были разные степени: тот, кто прожил жизнь, недостойную Закона, пребывал в муках; тот, кто в земной жизни был верен Закону, наслаждался некоторым подобием счастья.

Ясный и убедительный для христиан образ этого – притча о богаче и Лазаре: оба после смерти находятся среди мертвых, хотя один пребывает в покое на лоне Авраамовом, а другой – в мучениях. Но ни одному из них не открыт путь к общению с Богом, ни один из них не достиг того, к чему человек призван, – быть другом Бога в вечности, если взять слово «друг» в самом глубоком, строгом смысле, который для этого слова существует: тот, с кем преломляешь хлеб, разделяешь трапезу, кого приглашаешь за свой стол – как хозяин гостя, как равного себе.

Если вы обратитесь к заповедям Нового Завета, вы, напротив, увидите нечто очень любопытное: ни одна из них по отдельности, ни все заповеди вместе не могут сделать человека праведником. Господь говорит: «Когда вы исполните все, что Я сказал, признайте, что вы рабы ничего не стоящие»⁷. Но хотя заповеди Нового Завета не могут сами по

⁷ Ср. Так и вы, когда исполните всё поведенное вам, говорите: мы рабы ничего

себе превратить нас в праведников – в людей, которые могут заявлять о своих правах перед Богом, – их исполнение может дать нам вечную жизнь.

Думаю, ключевые слова здесь «заявлять о своих правах перед Богом». Ветхозаветное понимание жизни с Богом, ветхозаветный договор предполагал взаимные права и также взаимные требования. В Новом Завете уже нет ни требований, ни прав, потому что справедливость и отношения с Богом мыслятся принципиально иначе и предстают в новом свете, преображенными. В Ветхом Завете то, как мы думаем о жизни, выражено в категориях справедливости, воздаяния и награды. Справедливо поступает тот, кто отдает другому принадлежащее тому по праву. Судья справедлив тогда, когда выносит приговор в соответствии с тем, что было сделано.

Конечно, на уровне практики, с точки зрения человеческих отношений, особенно общественных, так и должно быть, и все же это не окончательная справедливость и не самое существенное в ней. Отношения людей не сводятся к награде и воздаянию – и не только потому, что существуют милость и благодать, но и потому, что существует акт справедливости более существенный, чем награда или воздаяние. Мы не поступаем справедливо, когда просто судим друг друга по справедливости. Основной, фундаментальный акт справедливости состоит в том, чтобы признать за другим,

не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать (Лк. 17: 10).

кем бы он ни был, право быть тем, кто он есть, даже если это связано с риском. По-настоящему справедливо – в том смысле, в каком справедлив Бог, – мы поступаем тогда, когда принимаем тот факт, что тот, кто «не я», – имеет право на радикальную инаковость, на неизбывную несхожесть со мной.

И это мы не готовы принять легко, потому что это опасно. Это рискованно не только здесь и сейчас, это глубокий риск, который угрожает нашему самосознанию, самому нашему существу.

Принять то, что другой существует сам по себе, помимо моего «я», что я не имею никакого отношения к его существованию, что если бы меня вовсе не было, он, быть может, не почувствовал бы никакой разницы, принять, что у него есть право быть просто потому, что он есть, а не в качестве отражения моего присутствия в этом мире, что у него есть право никак не приспособливаться к тому, каков я, – вот в чем основоположная справедливость. И следовать ей – безмерно затратнее и опаснее, чем просто относиться к человеку определенным образом.

Я дам вам пример. Одна женщина – сейчас она прихожанка нашего лондонского собора – после революции в России оказалась в тюрьме. Потянулись дни одиночного заключения, ночи допросов. В одну из таких ночей эта женщина, которая была в то время еще очень молода, вдруг почувствовала, как теряет силы, как истощается ее терпение и готовность

стоять до конца. Она почувствовала внезапно, что ненависть и злость заполнили ее сердце. Она захотела посмотреть в глаза человеку, который в тот момент ее допрашивал, бросить вызов его жестокости, снять заклятие с этой бесконечной, безнадежной ночи допроса, даже если это приведет к ее гибели. Она подняла на него глаза, но ничего не сказала, потому что с другой стороны стола вдруг увидела такого же человека, как она сама, – до конца изможденного, бледного, измученного, с тем же выражением отчаяния и скорби на лице. И она вдруг осознала, что они, собственно говоря, не враги. Да, они сидели друг напротив друга, они были в ситуации непримиримого противоречия и напряжения, и все же они были заложниками одной и той же исторической трагедии, их обоих закрутило в вихре истории и бросило одного в одном направлении, другую в другом, но ни один из них не был свободен, они оба – пленники, жертвы. И в тот момент, увидев в другом такого же пленника, как она сама, она поняла, что и он – человек, а не просто функция. Он не враг, он живой человек, – вместе с ней и неотделимо от нее – заложник той же трагедии. И она улыбнулась этому человеку. Это был акт признания, который и есть предельная справедливость. Она увидела в нем не только право быть тем, кем он был, – она увидела, что он не мог быть никем иным, потому что и он – пленник.

Думаю, нам, когда мы размышляем в категориях закона, очень важно осознать, что закон, законность, отношения в

духе справедливости начинаются именно с этого – признания за другим права быть тем, кто он есть, а не с того, что некое «я» занимает привилегированное место и начинает награждать или воздавать, одаривать или наказывать. В этом втором аспекте справедливости, будь она награждающая или воздающая, есть нечеловеческий или, быть может, сверхчеловеческий элемент. Французский писатель Виктор Гюго, затрагивая вопрос справедливости и воздаяния в одном из своих романов, говорит, что судья оказывается одновременно и больше, и меньше человека: больше в том смысле, что он *над* человеком, он может судить и выносить приговор, в то время как на самом деле ни один человек не может судить или приговаривать. Но судья также и меньше человека, потому что лишен права на сострадание, жалость или личную милость.

Однако это второстепенный аспект справедливости. Главный же вступает в силу тогда, когда мы полностью и окончательно соглашаемся на риск принять другого таким, какой он есть, чего бы это ни стоило для нашей цельности, физической или психологической. В этом смысле, когда мы говорим о законе временном и вечном, мы сталкиваемся со множеством нюансов.

На земле любое суждение относится к двум этим областям: тот, кто решился вершить суд над другим, – больше человека, потому что целая группа людей наделила его правами, которые безраздельно принадлежат только Одному – Бо-

гу. И одновременно этот человек лишен права быть до конца человеческим и отдать свою жизнь, чтобы другой мог быть спасен. Только один Человек, Он один за всю историю человечества сумел осуществить совершенную справедливость, одновременно человеческую и сверхчеловеческую, не отступив от сострадательности: Сам Господь, когда стал человеком. Он имел право судить и Сам же понес назначенное возмездие в акте полной солидарности с виноватым, оставаясь при этом на месте судьи. Смерть на Кресте – единственная точка, где суд встречается с милостью, где человек и Бог полностью и в равной степени вовлечены в одно и то же событие в полном согласии.

* * *

До сих пор я говорил о законе применительно к человеческим отношениям, но закон – это также то, что мы исследуем, изучаем, то, что обсуждаем в любых науках, от гуманитарных до прикладных. Было время, когда закон, во всяком случае научный, считали чем-то окончательным, непреложным. Но мы больше не мыслим о научном законе в таких категориях. Вследствие расширения горизонта познания мы обнаружили, что закон, открытый в научной области, работает в определенных эмпирических обстоятельствах или в условиях, заданных экспериментом, но стоит им поменяться – и становится невозможным утверждать, что закон про-

должает точно так же действовать. Если мы хотим мыслить в категориях универсального закона, у нас должна быть возможность одновременно подвести под этот закон ситуации несовместимые или очень разнящиеся.

В начале XIX века французский ученый Лаплас написал, что если бы существовал демон, которому были бы известны все данные физического мира в каждый момент времени, он мог бы проследить все прошлое и предвидеть все будущее вселенной. И такая картина мира была бы, видимо, либо верной, либо совершенно неверной. Если говорить о самих данных, то это, конечно, полностью неверно, потому что данные в каждый момент времени можно объединить в конкретные научные модели, в законы, которые соответствуют ровно тому, что эти данные выражают в тот момент и в конкретной ситуации. Но мы знаем, что за последние миллионы лет условия, в которых материя существовала и эволюционировала, значительно изменились. Только на теплых планетах могли возникнуть биологические кислоты, только в мягких условиях могла зародиться жизнь. Чтобы прозреть грядущее, этот упомянутый Лапласом демон должен был бы не только располагать всеми на свете данными, но и иметь информацию обо всем, что может неожиданно случиться в будущем. Другими словами, кроме обладания фактами мы должны осознать, знать – и знать доподлинно – всю ситуацию в динамике и то, как эта динамика будет инициировать эволюцию материи и других форм бытия.

Таким образом, даже с точки зрения ученого, понимание непреложности законов природы отличается сегодня от того, каким оно было в XVIII–XIX веках. Это, в свою очередь, могло бы заставить нас по-новому задуматься о вопросе, который священные тексты всех времен и религий ставят перед научным сознанием и просто мыслящим человеком, – вопросе чуда. Чудо можно воспринимать как то, что выпадает из-под действия законов, что противоречит им, что невозможно спрогнозировать, что чуждо логике существующих систем. Чудо можно также воспринимать как гармонию, которая раздвигает границы данной системы, вводит явления, которые раньше будто спали, не были активны и проявлены.

И это касается не только тех чудес, которым люди сегодня не удивляются, потому что не видят в них ничего чудесного, например, когда исцеление происходит благодаря психосоматике. Касается это и тех чудес, которые – как говорят священные тексты и предания всех религий – охватывают материальный мир. Это важно, потому что принять чудо, не отвергнуть его мы можем, только исходя из строгой продуманности проблемы материи, законов природы. Именно ненаучное мышление и легкомысленный подход к существующим фактам провоцируют нас легкомысленно, безответственно заявлять, что то или иное – невозможно. Невоз-

можно с точки зрения уже имеющегося у нас опытного знания?

Да. Невозможно с точки зрения возникновения новых обстоятельств, условий и раздвижения рамок реальности? Нет. И в этом вопросе нам нужно быть очень аккуратными. Но чтобы полноценно этой проблемой заняться – и поэтому сейчас я не больше, чем просто указываю на нее, – мы должны были бы обратиться к, собственно, богословию материи, к осмыслению того, что есть сотворенный мир для библейского богословия – если мы рассуждаем в контексте Библии, – и посмотреть на эту тему с разных сторон.

То, к чему я хотел бы обратиться теперь, связано с пониманием закона применительно к человеку, к человеческим отношениям. Часто такие слова, как «закон», «свобода», «анархия», «повиновение», воспринимаются как взаимоисключающие, по крайней мере, когда они объединяются в пары. Когда слышишь, как некоторые люди говорят об анархии, иногда может сложиться впечатление, что анархия – это область благодати. Однако анархия, то есть право и возможность не быть вписанным ни в какие рамки, поступать вне заранее заданных условий, – предполагает две вещи. Либо – если мы берем анархию в строгом смысле – окончательный и безнадежный беспорядок, хаос. Либо – если рассуждать в категориях предельной гармонии – в основе такого видения должна лежать убежденность, что некий закон гармонии изначально заложен в самих людях как таковых, за-

ложен в сами ситуации, что этот закон, если его высвободить и дать ему самостоятельность, приведет к большей свободе, большей полноте, чем если мы постараемся эту гармонию спрогнозировать и создать прежде времени. Анархия всегда оставляет место надежде на то, что существует закон гармонии, который осуществится. Другими словами, существует убежденность – возможно, утопическая, – что такой закон на самом деле существует или, если угодно, что гармония внутренне развивается и рано или поздно прорвется вовне, если не сковывать ее условностями и ограничениями, навязанными со стороны ввиду человеческой слепоты или узости сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.